Новые аргументы к дискуссии о двусоставности/односоставности предложения

Сидорова Марина Юрьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

New arguments for the discussion on two- and one-component sentence patterns

Sidorova Marina

Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация

В статье приводятся новые аргументы в пользу принятого в коммуникативно-функциональном синтаксисе представления о двусоставности предложения как о его существенном обязательном признаке (в противовес представлению формального синтаксиса о двусоставности как факультативном признаке предложения, противопоставленному на рядоположных началах односоставности). В пользу коммуникативно-функциональной точки зрения говорит анализ нового, полученного экспериментальным путем языкового материала на основе теории Л.С. Выготского о трех функциональных типах речи.

Abstract

The article contains new arguments in favor of the two-component pattern which is regarded in communicative-functional syntax as the basic and

essential feature of any sentence (opposed to the formal syntax discrimination of two- and one-component sentence patterns in the Russian language system). These arguments are supported both by the analysis of new, experimentally generated texts and L.S. Vygotsky's theory of three functional types of speech.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональная грамматика, синтаксис, модель предложения, русский язык.

Keywords: communicative-functional grammar, syntax, sentence pattern, Russian language

(1) Идеи, изложенные в статье, сформировались в результате расширения языкового материала, на котором развивается сейчас школа коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой. Сложившаяся в основном на материале художественных, то есть

фикциональных, текстов, эта концепция доказывает свою эффективность и при изучении текстов нефикциональных, представляющих принципиально иное соотношение коммуникативной и денотативной ситуации [Сидорова 2015] [Сидорова, Роговнева 2015], а использование ее для интерпретации новых фактов демонстрирует пути развития синтаксической теории и прикладных применений как внутри коммуникативной грамматики, так и за ее пределами.

(2) Конкретным предметом обсуждения служит проблема главного предиктируемого члена предложения. В формальном синтаксисе Н.Ю. Шведовой и В.А. Белошапковой этот член прототипически представляет подлежащее в Имен. пад., в результате чего в системе языка выявляется набор односоставных схем предложения, рядоположных в классификации с двусоставными. Коммуникативно-функциональный синтаксис Г.А. Золотовой описывает модель (структурно-семантический образец предложения) в терминах «субъект — предикат», не налагая на субъектный компонент обязательства стоять в Имен. пад. Соответственно, выдвигается тезис о принципиальной двусоставности каждого предложения (предназначенного для сообщения «чего-то о чем-то»), а «односоставность» рассматривается как структурно-семантическая модификация или речевая реализация, вызванная системными и/или контекстными факторами. Поскольку аргументы, которые могли быть приведены «изнутри» дискутирующих концепций и в пределах того языкового материала, на котором они создавались, давно изложены и исчерпаны, спор естественным образом затих. Но это не значит, что

исчезла необходимость верификации высказанных теоретических положений. Тем более, что возможность такой верификации создается экспериментальным материалом и его теоретическими трактовками, давно предложенными за пределами указанных двух подходов, прежде всего в психо- и нейролингвистике и экспериментальной когнитивистике.

(3) Решение было найдено еще Л.С. Выготским, предложившим сопоставление трех функциональных типов речи (письменной, диалогической устной и внутренней), имеющее далеко идущие последствия для понимания синтаксической организации высказывания. По Выготскому, внутренняя речь, подчиненная «чистой и абсолютной предикативности», и письменная речь составляют два полюса континуума функциональных типов речи «в отношении тенденции к сокращению речи и редуцированию ее до чисто предикативных суждений» [Выготский 1999: 316], тогда как устная речь, в силу своей мотивированности ситуацией и включенности в ситуацию, располагается между ними: в ней «говорящий опускает психологическое подлежащее, известное из ситуации или предыдущей реплики, и говорит лишь психологическое сказуемое. Так, в обстановке ожидания трамвая Б реплики *Идет, Б* или *Наш, Наконец-то* и т. п. составляют психологическое сказуемое к известному собеседнику или подразумеваемому подлежащему» [Ахутина 2012: 36]. В цитируемой монографии 1989 г. «Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса» Т.В. Ахутина, обсуждая работы отечественных и зарубежных психологов, лингвистов, психо- и нейролингвистов, трактующих

синтаксис в аспекте порождения речи, и соотнося их с собственными исследованиями, убедительно показала, насколько важным для понимания сущности предложения и синтаксиса в целом является признание двусоставности предложения. Эти идеи идеально включаются в концепцию коммуникативно-функциональной грамматики (или — стыкуются с ней).

(4) Проведенные нами эксперименты по изучению описаний изображений в русском языке [Гостев, Сидорова 2015] [Сидорова 2016] продемонстрировали, что, отвечая на вопрос «Что на картинке?» или «Что вы видите?», респонденты придерживались либо стратегии письменной речи (А), строя предложение с выраженным субъектом и предикатом, т.е. сообщение, главным актантом которого выступает фигура, изображенная на картинке, и ей приписывается какой-то предикативный признак; либо стратегии устной речи (Б).

(А) *Бабушка пасет свою корову; Маленькая девочка принесла воды корове; Клыкастый морж с морщинистой шкурой отдыхает на скалах.*

(Б) *Пожилая доярка; Корова и девочка; Монументальный морж в профиль.*

(5) Такое различие в стратегиях связано с условиями эксперимента, в котором респонденты получали псевдокоммуникативное задание. С одной стороны, они должны были описать непосредственно наблюдаемый визуальный объект и при формулировке задания для них особо подчеркивалась необходимость сообщать о перцептивных признаках, а не об оценках, ассоциациях, своей реакции, то есть они должны были

создавать текст репродуктивного регистра. С другой — респонденты должны были сделать это письменно, в отсутствие адресата и конкретной коммуникативной цели, что некоторым образом превращало задачу в парадоксальную: в реальной коммуникации, описывая непосредственно наблюдаемый объект (денотативную ситуацию), говорящий знает о том, в каком положении относительно этого объекта находится адресат высказывания, в первую очередь о том, доступен ли этот объект непосредственному наблюдению адресата, соответственно говорящий ориентируется на это положение адресата при построении высказывания. Так, в примере Т.В. Ахутиной сообщение *Идет* будет адекватно воспринято слушателем, только если он либо соприсутствует на трамвайной остановке, либо находится на другом конце мобильной связи и заранее предупрежден, что говорящий ждет трамвая. В двойственной коммуникативной ситуации наши респонденты вынуждены сами для себя имплицитно «доформулировать» задачу: некоторые из них выбирают описание по законам письменной речи — для не соприсутствующего адресата; другие — следуют за стереотипными параметрами коммуникативной ситуации и создают описание, предполагающее адресата, который тоже видит картинку.

(6) Можно, конечно, сформулировать, что первый тип респондентов создает двусоставные предложения, а второй — пользуется односоставными назывными. Но такая трактовка (таксономия ради таксономии) не раскрывает механизма порождения этих описаний. Выражаясь в терминах Выготского, первый тип респондентов заботится о понятности сообщения для читателя,

воссоздавая для него ситуацию без пропусков, выражая и психологическое подлежащее, и психологическое сказуемое. Вторые, опять же по Выготскому, следуют за «законом» абсолютной предикативности внутренней речи, который транслируется во внешнюю устную речь «тогда, когда подлежащее высказываемого суждения наперед известно обоим собеседникам». «Для письменной речи состоять из развернутых подлежащих и сказуемых есть закон, но такой же закон для внутренней речи - всегда опускать подлежащие и состоять из одних сказуемых» — пишет Выготский [Выготский 1999: 317-318].

(7) Эти положения Выготского при включении их в синтаксическую концепцию не позволяют рассматривать двусоставные и односоставные конструкции как рядоположные в языковой системе. Односоставность того или иного предложения (либо типа предложений) есть проявление общего принципа: «функциональное изменение речи необходимо приводит и к изменению ее структуры» [Выготский 1999: 320]. Отсюда вытекает необходимость добавить в любой синтаксис (в смысле — в синтаксическую теорию) понимание того, какой синтаксис мы пишем — только ли для письменной речи или предназначенный для охвата гораздо большего (идеально — всего) круга языковых фактов.

(8) В последнем случае нам требуется способ систематизировать эти факты для их дифференцированного описания. В системно-функциональной грамматике М.А.К. Холлидея это сделано с помощью понятий *tenor*, *field*, *mode* и *register*. В коммуникативно-функциональной грамматике это было сделано Г.А. Золотовой с помощью

понятия коммуникативный регистр, к которому нами была добавлена классификация коммуникативных ситуаций функционирования регистров в соотношении с денотативными ситуациями [Сидорова 2015].

Литература

- Ахутина Т.В.* Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989. 215 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1999. 352 с.
- Гостев П.П., Сидорова М.Ю.* Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // *Structures&Functions: Studies in Russian Linguistics*. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2, № 1. С. 94–138.
- Сидорова М.Ю.* Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций. // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*. / Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 480–484.
- Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В.* Грамматика ситуаций и лингвистический эксперимент - новое поле коммуникативной грамматики // *Gramatyka a tekst*. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. Oficyna Wydawnicza WW Katowice. 2015. Т. 5. С. 8–21.

References